

Феноменология эмоций: гнев

© кандидат филологических наук В. Н. Базылев, 1999

Мировоззрение отражается в особенностях языка. Язык, соответственно, формирует мировоззрение. Два банальных тезиса.

Тезисы небанальные (с моей точки зрения). Человек характеризуется такими состояниями сознания, при/в которых он способен (о)познавать сущности, не видимые для разлагающего и объединяющего рассудка. Этим сущностям соответствуют особые состояния субъекта — когнитивные чувства. Но когнитивные чувства настолько не изучены, что их со-отношение с языком представляет совсем загадочную проблему.

Последователи Л. Витгенштейна, осознавшего зависимость языка от внеязыковой ситуации, расширили понятие контекста вплоть до включения в него индивидуального когнитивного состояния, учтя семантическую память индивида. Знание и переживание в разработках, ориентированных на ментальные состояния, полагаются как отдельные друг от друга самости, связанные причинно как детерминанта и следствие, вполне в духе классической когнитивной теории эмоций. Возьмем, например, концепцию интенциональности Дж. Серля. Он подразделяет интенциональность на два вида: интенциональные акты, действия и интенциональные состояния. Первые связаны с намерением сделать что-то. Вторые суть ментальные состояния, которые вовсе не побуждают человека что-то делать с объектом, на который они направлены. Таковы, например, страх, радость, любовь, **гнев** и др. Все они имеют конкретный повод — осознанную причину страха, радости, любви, **гнева**.

Знание объекта как опасного, приятного, обидного вызывает соответствующие эмоциональные состояния. Если же ментальные состояния беспричинны, то они, по Серлю, не будут интенциональными. Таким образом, здесь нет и речи ни о каком когнитивном чувстве, познающем сущности, не видимые для рассудка.

Не было идей о знающем чувстве на всей исторической глубине языкознания. Даже А.А. Потебня, так ясно и умно разделивший "язык чувства" и "язык мысли", сказал совсем о другом. В состоянии переживания слово отражает специфическое, чувственное в реальности. В языке мысли слово выражает только один, общий, признак, присущий всем предметам данного вида. Так, слово *стол*, — пишет Потебня, — значит

только "простланное" (корень стл — тот же, что и в глаголе *стлать*), оно может обозначать всякие столы, независимо от их конфигурации и содержания. Этимологическое значение общего признака А.А. Потебня назвал внутренней формой слова (в отличие от внешней — звуковой). Внутренняя форма представляет здесь объективную сторону слова. В языке же чувства внутренняя форма (ономатопозитических слов) есть чувство. Например, внутренней формой встречаемого в санскрите слова *indh* 'жечь', являющегося корнем терминов *язва*, *язвить*, *боль*, *болит*, служит чувство, сопровождающее восприятие жгущего огня и непосредственно отраженное в звуке *indh*. А.А. Потебня этимологически проследил дистрикцию языка мысли и языка чувства. Важно то, что в языке мысли слово показывает общее, объективное, иначе формально-абстрактное, внешнее. А в языке чувства — единичное, субъективное, т.е. конкретное внутреннее состояние индивидуума.

То же самое находим и с истории философии сознания. Дильтей, размышлявший над пониманием душевной жизни, правильно писал, что никакое мышление не может проникнуть в переживание, и в качестве метода понимания переживания он определил переживание же, т.е. сопереживание. Но ведь ни подстановка себя на место другого, ни подражание моторным реакциям не являются когнитивными процессами. А когнитивная эмпатия базируется на интеллектуальных процессах (сравнение, аналогия и т.п.), т.е. и тут нет речи о познающем чувстве — все это психологический, а не гносеологический уровень искания. То же самое можно сказать и об эстетических концепциях теории чувства (Фишер, Лотце, Липпе и др.).

Психологическая наука, как таковая, не видит гносеологического различия между чувством и эмоцией. Этика и эстетика, заимствуя достижение психологии, ограничили свое представление о чувствах как об эмоциях, ассоциированных в сложные структуры, возвышая их над последними социальностью происхождения и сохраняя за ними значение чисто эмоционального переживания. Неудивительно, что рационалистическое мировоззрение не полагает достоинств разума за самим чувством. И это делается совершенно искренне — ведь собственно эмоции генетически предшествуют развитому логическому мышлению в онтогенезе человека и в истории человечества.

Конструктивный анализ же существующих этических концепций приводит к выводу о том, что существует познавательное состояние в виде неассоционистского синтеза когнитивной и эмоциональной сторон. Идеи Дж. Мура, впервые определившего добро само по себе как мен-

тальное состояние в форме органической целостности, включающей элемент знания (узнавания) добра и элемент эмоциональности по этому поводу, получают дальнейшее развитие в выдвинутой в 80-е годы гипотезе о чувстве, представляющем синкретическое единство когнитивной и эмоциоподобной сторон [1].

Это странное, на первый взгляд, гносеологическое состояние описывается согласно известному принципу дополнительности. Различаются два вида знающего чувства: в русле отражательной гносеологии (созерцающее чувство) и "ощущающее" чувство. В качестве познаваемого им соответствует структурная целостность и системная целостность. Здесь нет дискурса ни в виде обычных умозаключений, ни в виде структур, организованных по типу фреймов и т.п. Этика и эстетика рационального познания поневоле ограничена собственным опытом — знанием того, что помещается целиком в дискурсе. Его опыт материалистичен в том смысле, что не захватывает из-за отсутствия когнитивного чувства душевные состояния. Лишь собственно эмоции, материальные по своему генезису, известны ему. Эта ограниченность познавательной способности вполне выразилась и в геометрической этике Спинозы, если смотреть в глубь веков, и в концепции морального выбора, морального решения, если глянуть на современность. Суть же в том, что рационалистическое мышление не способно оперировать чем-либо иным кроме того, в основе чего лежат материальные факторы — душа, дух для него непроницаемы.

В связи с этим встает вопрос о возможности дескриптивной эйдетики переживаний, разрабатываемых в феноменологической парадигме, начиная с работ Э. Гуссерля.

При феноменологической установке исследователь направляет свой взгляд на чистые переживания. Она есть наука в рамках лишь непосредственной интуиции, чисто дескриптивная наука о сущностях. Дело феноменологии в показательном виде предъявлять взору чистые события сознания, доводить их до полной ясности, упражняться в их анализе, в постижении из сущности в пределах такой ясности, преследовать доступные ясному усмотрению сущностные взаимосвязи, то, что было усмотрено, выражать в адекватных понятийных выражениях, смысл которых предписывается исключительно узренным, то есть тем, что вообще ясно усмотрено.

Феноменология не стремится быть чем-то иным, нежели учением о сущностях в пределах чистой ситуации. Феноменолог непосредственно узревает сущности и фиксирует свое созерцание понятийно, то есть

терминологически. Слова, которыми он пользуется, могут происходить из общего языка, они могут быть многозначны и неопределенны в своем переменчивом смысле. Однако, как только они, оказываясь выражением актуального, совпадают с данными интуиции, они приобретают определенный, *hic et nunc* актуальный и ясный смысл. Одни и те же слова и предложения получают однозначную соотнесенность с определенными интуитивно постижимыми сущностями, какие исполняют их смысл¹.

Сущностное в таком случае осознается не просто вообще стоящее перед взором как "само" оно и как "данность", но оно осознается как "само оно", данное во всей его чистоте — целиком и полностью, каково оно вообще само по себе, в самом себе.

Прояснение состоит в двух соединяющихся друг с другом процессах — в процессе перехода в наглядность и в процессе возрастания ясности всего уже ставшего наглядным.

Такой подход обладает тем преимуществом, что по своей сущности позволяет с абсолютной несомненностью отождествлять и различать, эксплицировать и сопрягать.

К особо важным чертам метода феноменологии относится восприятие, дающее саму доподлинность. И притом не просто как акт постижения в опыте, дающий основание для констатации наличного существования чего-либо, но как фундамент феноменологических сущностных констатаций. Восприятие при возможном соучастии рефлексии, возвратно направленной на него, предлагает также некоторые единичности для сущностного анализа, даже конкретнее — для анализа актов.

Так, **гнев** испаряется благодаря рефлексии и по содержанию своему быстро модифицируется. Он не всегда пребывает в той готовности, что восприятие, и его не породить по мере необходимости простыми экспериментальными средствами. Рефлексивно исследовать **гнев** в его до-

---

¹ В этой связи кажется целесообразным указать на изоморфизм положений, развиваемых в семантической парадигме (собственно в лингвистике): Р. Карнап считал, что "гнев", например, стоит вводить как теоретический конструкт, а не как случайно вторгшуюся переменную из языка наблюдения. Это значит, что предложение, содержащее подобный термин, не может быть ни переведено в предложение языка наблюдаемых, ни дедуктивно выведено из таких предложений, а в лучшем случае может быть выведено с большой вероятностью. В применении к предложениям мнения это значит, что предложение вроде — Джон считает, что земля круглая — должно интерпретироваться таким образом, чтобы оно могло быть выведено из соответствующего предложения, описывающего поведение Джона, в лучшем случае с некоторой вероятностью, но не с достоверностью, например из — Джон дает утвердительный ответ на "земля круглая", — как на предложение английского языка [2].

подлинности — значит изучать гнев, который тает и испаряется; правда, и это не лишено значения.

Феноменолог имеет дело с подвергшимися редукции переживаниями и относящимися к ним по мере сущности коррелятами. В сфере же доподлинности он располагает примерами суждений, предложений, чувств, волнений. Феноменология принадлежит к числу конкретно-эйдетических дисциплин. Ее объем составляют сущности переживания, тем самым не абстрактное, а конкретное.

Именно в ней становится возможным — в трактовке Э. Гуссерля — изучение опыта своего собственного "Я" и на его основе опыта других Я, а также опыта сообщества. Субъекту пред-ставляется так-то и так-то переживаемый — воспринимаемый — вспоминаемый — выражаемый в суждении — мыслимый — оцениваемый и пр. мир как таковой. Является не мир или часть его, но "смысл" мира. **Феноменологическое описание** имеет два направления: нозтическое, или описание акта переживания, и нозматическое, или описание того, что пережито. Подобное пред-ставление и описание может быть произведено над "жизнью" другого Я, которую мы можем себе представить, — пишет Э. Гуссерль. — "Редуктивный" метод может быть распространен из сферы своего собственного опыта на опыт других Я. И далее, общность, опыт которой нам *дает осознание общности, может быть редуцирован не только к интенциональным полям индивидуального сознания, но также посредством интерсубъективной редукции к тому, что их объединяет, а именно, феноменологическому единству жизни общности. Расширенное таким образом психологическое понятие внутреннего опыта достигает своей полноты.*

Э. Гуссерль полагает, что из жизни каждой изолированной сферы опыта на основе тех или иных порой малозначительных фактов психической жизни возможен выход к эйдетической сфере.

Любое замкнутое поле может быть рассмотрено в отношении его "сущности", его эйдоса, и мы можем пренебречь фактической стороной наших феноменов и использовать их только как "примеры". Всматриваясь в инвариантное и изучая вариации, открывается типическая сфера. Становится явной типическая особенность любого психического факта. Психологическая феноменология должна основываться на эйдетической феноменологии. Феноменологическая редукция открывает феномены действительно внутреннего опыта; эйдетическая редукция — сущностные формы сферы психического бытия.

Метод феноменологической редукции — по Э. Гуссерлю — со-

стоит в том, чтобы в аподиктическом усмотрении достичь чистых всеобщностей, без всякого полагания при этом фактов всеобщностей, соотносенных с бесконечным объемом свободно мыслимых возможностей как чисто возможных фактов, всеобщностей, аподиктически предписывающих этим последним норму мыслимости в качестве возможных фактов. Раз проявившись, такие чистые всеобщности, хотя они и возникли вне строго логического метода, суть чистые самопопятности, в отношении которых возникновение явного абсурда всегда доказывает невозможность мыслить иначе.

*Мы (напоминает Э. Гуссерль) исходим из фактического опыта, однако саму фактичность оставляем как иррелевантную вне игры, на соответствующем экземпляре мы осуществляем свободную вариацию в фантазии и образуем сознание свободной произвольности и горизонт произвольно образуемых таким образом вариантов. **Ни одно Я не мыслимо без Я-сознания, без восприятия, воспоминания, ожидания, мышления, оценивания, деятельности и т.д., как и без фантазирования, в котором всякое такого рода сознание превращается в “как если бы”.***

*А потому, при известном пристрастии к парадоксам, Э. Гуссерль сформулирует идею того, что *фикция составляет жизненную стихию феноменологии, это — источник, из которого черпается познание “вечных истин”.* Постижение, выходящее за пределы наглядного данного, сплетает пустые постижения с действительно наглядным постижением, а тогда, как бы поднимаясь по ступеням ясности, все больше пустых представлений могут становиться наглядными и все больше наглядных представлений могут становиться пустыми. Прояснение состоит в таком случае в двух соединяющихся друг с другом процессах — в процессе перехода в наглядность и в процессе возрастания ясности всего уже ставшего наглядным. Упомянуть необходимо и о следующем: все, что дано нам, как правило, бывает окружено ореолом, — это ореол неопределенно определимого, и он обладает своим способом приближаться к взору, раскрываясь и раскладываясь на ряды представлений, поначалу, скажем, еще в темноте, затем вновь в сфере данности, пока, наконец, интендируемое не вступит в ярко освещенный круг совершенной данности. Обратим внимание и еще на одно: вероятно, чрезмерным было бы утверждение, будто очевидное схватывание сущности всякий раз нуждается в полной ясности лежащих в основе деталей, в их конкретности .*

Комментируя Э. Гуссерля, П.П. Блонский следующим образом про-

элементирует **феноменологическую эйдетическую дескрипцию**: словесное обозначение; психические переживания познающего, соотначаемые этим обозначением; акт "мнения" какого-либо смысла; смысл; мнимый через этот смысл предмет познания; акт созерцательного осуществления смысла; осуществление смысла в созерцании посредством приведения его к очевидности при помощи иллюстрации [3].

Недаром Г. Гийом утверждал, что именно изучение языка приведет к познанию средств, которые позволяют мышлению "перехватывать" то, что в нем происходит, перехватывать самое себя.

Изучение языка приведет к познанию тех средств, которые мышление в течение веков изобретало для обеспечения почти мгновенного перехвата того, что в нем происходит [4].

Напомним в этой связи и идею Л.С. Выготского о системном строении сознания [5].

В содержательном аспекте возникает вопрос о том, можно ли рассматривать как номинацию выражение несубстанциональных элементов действительности: качеств, отношений, процессов, действий, событий, психических состояний, чувств и переживаний говорящего в момент речи и так далее. В логике по этому поводу ведутся споры. Г. Фреге различал, например, три типа имен: собственные имена (обозначения конкретных предметов), имена функций (отношений, качеств) и предложения, которые он считал именами истины и лжи. Такое понимание предложения соответствовало общей теории референции у Г. Фреге, который видел в ней прежде всего значение истинности. Но подобно тому как отдельное имя, которое может анализироваться со стороны референции, является при этом именем определенного предмета — существующего или мыслимого, — так и предложение не только выражает истину или ложь, но обозначает определенное событие, которое, следовательно, является именуемым в имени — предложении.

Все выделяемые человеческим сознанием несубстанциональные элементы действительности получают языковое обозначение. Причем, поскольку между отражением вещи, свойства и отношения в человеческом сознании непроходимых границ нет, свойства, качества, отношения, процессы могут опредмечиваться в сознании и получать обозначение именами существительными, как и предметы.

Остается вопрос о том, можно ли относить к номинации процесс обозначения психических состояний, эмоций, субъективных переживаний говорящего в момент речи, всего того, что обозначается термином 'модальность' в широком плане. Мы говорим об обозначении предметов

(качеств, действий), но о выражении понятий, мыслей, чувств. Таким образом, обозначается все материально осязаемое (или приравняемое к таковому), выражается относящееся к нематериальному миру чувств и мыслей. Однако, понятия и мысли суть отражение в человеческом сознании элементов экстралингвистического мира, и поэтому, выражая понятия и мысли, слова и предложения вместе с тем обозначают предметы и события, на которые направлены эти понятия и мысли. Что касается чувств и эмоций, то современные исследования в области психологии показывают огромную роль эмоций в познавательной деятельности человека и отражающей деятельности его сознания. Они в свою очередь поддаются осознанию, определению и классификации, могут иметь словесное обозначение и говорящий может обозначить свои переживания и оценки словесно или же с помощью междометий и интонации. Это дает основание считать, что и модально-эмоциональные явления также получают языковое обозначение.

Языковые структуры, в которых выражаются эмоции и оценки, достаточно подробно исследованы. В связи с этим особенно следует отметить книгу Е.М. Вольф и работы В.Г. Гака. В них дается тщательный анализ оценочных номинаций и структур высказывания, в которых присутствует оценка. Однако выражение эмоций и оценок играет важную роль в организации высказывания в целом, а также сверхфразового единства и текста. В связи с этим разрабатывались понятия эмоционально-оценочной рамки высказывания и ее формирование, формирование эмоционально-оценочных блоков в тексте, соотношение нейтральных и эмоциональных блоков в высказывании и в тексте.

В связи с этим принято разграничивать изображение (описание) эмоций vs. выражение их; учитывать изменения способности восприятия в зависимости от изменений условий (в т. ч. эмоциональных); учитывать функцию компенсации информационной недостаточности [6].

Нас же интересует нечто иное, именно, феноменологическая эйдетическая дескрипция когнитивно-эмоционального психо-соматического состояния человека; описание онтологии **гнева**, задающего прототипические модели (фреймы), которые определяют поведение человека — от стереотипного до выводящего в области измененного состояния сознания.

Эйдетика полагает, что субъективные модели мира и поведения в мире могут обретать характер объективированный; абстракции могут быть даны конкретно, наглядно и вполне самостоятельно. Психосоматика человека и есть это конкретное (определенное, овнешлённое),

наглядное (поведенческое) и самостоятельное (базовые эмоции)

Гнев как психо-соматическое состояние есть феномен включения собственного внутреннего состояния в комплекс взаимодействий человека с окружающим его миром.

Ориентация человека в своей когнитивной области, выбор того, куда ориентировать свою когнитивную область, совершается человеком в результате ауторефлексии собственного состояния. Гнев как психо-соматический феномен интересен именно тем, что в культуре и в человеке подвергается ауторефлексии и не настолько патологичен, чтобы необратимым образом определять поведение (в отличие, например, от тоски, боли, оцепенения, умирания, ощущения себя предметностью и пр.).

Психо-соматическое состояние, определяемое как 'гнев', дает следующую палитру стереотипов:

- в поведении и физиологии: способность к разрушительным действиям
А что такое Багратионов гнев, знали все, — он вспыхивал, как молния, и гремел с бешеной силой мгновенно налетевшей грозы (Голобов. Багратион, гл. 2).
Нрав у нее тяжелый... Случалось, что в гневе и поленом саданет (Г. Марков. Сибирь).
- в подверженности психо-соматической патологии: ярко выраженная деструкция
Малюта видел, как дрожат руки царя, как помутился его взгляд. Приготовился к взрыву царского гнева (Костыл. Ив. Грозный, кн. II, ч. III, гл. 1).
Старик как будто задохнулся от негодования... Он жадно и гневно смотрел в смеющееся лицо писаря (Гл. Успенский. Оч. перех. времени).
- в эмоциях: гнев
Сашка [молодой рабочий-наборщик] возмущен, у него даже руки дрожат, а глаза гневно потемнели (М. Горький. Легкий чел.).
(р. обряд "гневить невесту").
- в сексуальном поведении, в отношении к детям: тенденция (потребность) к насилию (изнасилованию), отношение к сексу как средству наказания; жестокое обращение с детьми
Цидиппа угрожала ему своим гневом, если в ту минуту не придет он к ней Каритос (Карита 54).

И мой батюшка, мне ли сердиться, когда он <муж> гневается, мое дело убираться теперь далее (Фонвизин. Бригадир, 92).

Не веди ты на нас гнев за свою пенюшку. Веди ты гнев да на свою жену (Песня. Перм., Соболевский).

Не гневи же ты ребенка-то! Что у тебя за манер такой — все бы гневил, ведь ты не маленький! (Пошех. Яросл.).

- в контроле над окружающим миром: уничтожение вплоть до самоуничтожения

[Пимен]: Здесь видел я царя, Усталого от гневных дум и казней (Пушкин. Борис Годунов, Ночь, Келья в Чудовом мон.).

Тако слово ему за гнев пало, Он бросил ножищем-кинжалищем Во старого казака Илью Муромца (Былина. Повен. Олон., Гильфердинг).

- в действительной ценности для общества в сравнении с видимой ценностью: неискренность, обуза, способность на убийство, разрушение, даже если открыто заявляет о благих намерениях

[Царь]: Они меня злодеем называют, Мучителем. Я каюсь перед всеми: Я зол, гневлив! Да на кого я зол? Я зол на злых (А. Остр. Вас. Мел., д. I, явл. 9).

- в этическом уровне: аморализм, склонность к преступлению, бесчестность, разрушение этических норм

Этот добрый, благодетельный и даже снисходительный человек [Степан Михайлович] омрачался иногда такими вспышками гнева, которые искажали в нем образ человеческий и делали его способным в ту пору к жестоким, отвратительным поступкам (С. Аксаков. Сем. хр. I, 19).

- в отношении к правде: лживость

Ну, сделай же такую милость, не мешай, — убедительно говорил Обломов [Захару], открывая глаза. — Да, сделай вам милость, а после сами же будете гневаться, что не разбудил (Гончаров. Обломов, ч. I, гл.11).

Одна Венера лишь довольна тем была, что гнев на Душеньку неправдой навлекла (Богд. 15).

- в уровне смелости: безрассудная храбрость, обычно во вред себе

Как ни тяжело было сыну гневить преклонного отца, он стоял, однако, на своем (Григор. Рыбаки).

На дерзость таковую глядя Пришел в гневливый я задор (Оспв.

Енеида I, 114).

- в речи (говорение/слушание): разговоры о смерти, разрушении, ненависти
Я старика столетнего Звала клейменым, каторжным, гневна, грозна кричала я: — Уйди! убил ты Демушку! (Некрасов. Кому на Руси..., ч. II, гл. 4).
А как же мы? — вдруг вся переполняясь мстительным чувством, гневно спросила Уля (Фадеев. Молодая гвардия).
- в особенностях передачи сообщений (устных и письменных): искажение сообщения
[Один из купцов]: Лукавый попутал. И закаемся вперед жаловаться. Уж какое хошь удовлетворение, не гневись только (Гоголь. Ревизор, д. V, явл. 2).
[Они] впали в ужасную гневность, и после, раз за разом, еще сорок три бумаги на него написали (Лесков. Смех и горе).
- в уровне реальности (согласия): разрушение противоположной реальности; неприятие того (несогласие с тем), что реально для других людей
По большой, светлой комнате редакции "N-ской Газеты" нервно бежал взволнованный, гневный редактор и, тиская в руке свежий номер, отрывисто кричал и ругался (М. Горький. Озорник).
Старик услышал осторожный шепот, смех, поцелуи... Он узнал смех своей дочери Марины и закипел гневом (Мамин-Сибиряк. Из урал. старины).
- в способности справляться с ответственностью: восприятие ответственности с целью разрушения
[В письме] было прибавлено, что без сомнения Степан Михайлович не будет гневаться за нарушение его приказания (С. Аксаков. Семейная хроника).
- в настойчивости достижения цели: настойчивость в достижении разрушительных целей, причем начинается с большой энергией, но быстро ослабевает
Ну и Пятачкову нечего бога гневить, сыт был, ведь он как курочка, так себе, по зернышку поклевывал да домик о пяти окошках и наклевал в три года с половиной (Печер. Именины Елп. Перф.).
- в буквальности понимания сказанного: буквальное понимание тревож-

ных замечаний, склонность к жестоким шуткам

Творогов хотел ему скрутить локти назад. Пугачев не дался. — Разве я разбойник? — говорил он гневно (Пушкин. Истор. Пуг., ч. I, гл. 8).

Э, чорт, говори яснее, чего тебе надобно? — вскричал, наконец, гневливо Иван Федорович, со смирения переходя на грубость (Достоевский. Братья Карамазовы, кн. V, гл. 6).

- в методах обращения с людьми: использование угроз, наказаний и ложных сообщений об опасности (с целью господства)

Ведь мне только рассердиться стоит да уйти от вас, так вы после этого слезы-то кулаком станете утирать. Не вводите меня в гнев! (А. Островский. Не все коту..., сц. IV, явл. 3).

- в подверженности гипнозу: сильное сопротивление комментариям, но "впитывание" их

Насилу-то я кое-как успокоил его [Бахчеева]; кое-как, наконец, он смягчился; но долго еще не мог решиться переменить гнев на милость (Достоевский. Село Степанчиково..., ч. I, гл. 2).

- в способности испытывать удовольствие в настоящем времени: редкое состояние

Гневался на парикмахера своего, что опоздал прийти (Зап. Пор. 131).

- в ценности как члена (со)общества: обуза для других

Господин Альворти имел обыкновение ... не отпускать от себя ни одного служителя в жару своего гнева (Т. Ионес I, 279).

- в любви окружающих: отсутствие нескрываемой нелюбви у большинства

Ах! От господ подалей; У них беды себе на всякий час готовь, Минуй нас пуще всех печалей И барский гнев и барская любовь (Грибоедов. Горе от ума, д. I, явл. 2).

- в понимании окружающими: постоянное непонимание

[Чацкий:] Нет! недоволен я Москвой... [Софья:] Скажите, что вас так гневит? [Чацкий:] В той комнате незначущая встреча (Грибоедов. Горе от ума, д. III, явл. 22).

Учитель гневался на непонятливый народ, принимался убеждать снова (М. Алексеев. Вишн. омут).

- в потенциале успеха: обычное состояние неудачи

Один маляр гневается на суждение знатока или любителя; истинный талант не страшится критики (Батюш. Прог. в Акад. Худ.).

Я столько нагрешил с этой моей гневливостью, что и не отмолить мне грехов моих (Писемский. Автобиограф.).

Сергей Андреевич просто за голову схватился: — Все идет дыбом...

Улыбнулся Черимов детской его гневливости (Мон. Скутаревский).

- в потенциале выживания: плохой

Ну, как жизнь, Игнат Константинович? — Какая уж тут жизнь! — Не гневи бога (Жестев. Земли жив. душа).

Обобщая, можно констатировать, что когнитивно-эмоциональное психо-соматическое состояние человека, определяемое как “гнев”, даёт следующую палитру стереотипов, задающих в свою очередь прототипические модели, определяющие поведение человека:

склонен к разрушительным действиям и общему деструктивному типу поведения, имеет потребность в насилии и относится к сексу как средству наказания; жесток по отношению к детям; может уничтожить окружающий мир вплоть до самоуничтожения; неискренен; способен на убийство, но при этом будет говорить о своих благих намерениях; аморален, бесчестен, склонен к разрушению этических норм; лжив; безрас судно храбр зачастую во вред себе; предпочитает разговоры о смерти, разрушении, ненависти; охотно искажает и переистолковывает информацию; неприятие иного мнения и несогласие с другими точками зрения; способен принимать ответственность только с целью реализовать свои негативные поступки; характеризуется быстрым ослаблением деятельностной энергии; склонен к буквальному пониманию и жестоким шуткам; стремится к господству за счёт проявления жестокости; сопротивляется воздействию на себя, но запоминает это; редко испытывает удовольствие; представляет собой обузу для окружающих; вызывает открытую неприязнь окружающих; испытывает постоянное непонимание со стороны окружающих; постоянно испытывает неудачи; характеризуется плохим потенциалом выживания.

Л и т е р а т у р а

[1] Ортони А., Клоур Дж., Коллинз А. Когнитивная структура эмоций // Язык и интеллект: Сб. пер. с англ. и нем. / Сост. и вст. ст. В.В. Петрова. М., 1995. С.314-384; Суровягин С.П., Худякова Г.П. Тупики рационализованного мировоззрения //

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – М.: Диалог-МГУ, 1999. – Вып. 7. – 136 с. ISBN 5-89209-383-2

Язык и социальное познание: Сб. ст. / Отв. ред. В.В. Петров. М., 1990. С. 152-166.

- [2] Карнап Р. Значение и необходимость. М., 1959. С. 331-332.
- [3] Гуссерль Э. Феноменология // Логос. № 1. 1991. С.14-16; Гуссерль Э. Амстердамские доклады // Логос. № 3. С.75-77; Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии // Язык и интеллект. М., 1995. С.49-71; Антология феноменологической философии в России. Т. I. М., 1998. С.473.
- [4] Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. М., 1992. С.54.
- [5] Леонтьев А.А. Язык, речь и речевая деятельность. М., 1969. С.207.
- [6] Гак В.Г. Языковые преобразования. М., 1998. С.314; 645-659; Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М., 1985.